

В Москву приехал[a] Егоренков[a] — директор одной из самых больших библиотек мира — Ленинградской публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

Его [Ее] рассказ о работе этой сокровищницы человеческих знаний, человеческого гения, не может не взволновать людей, любящих книгу и тех, кто отдает им свою жизнь.

А работники этой ленинградской библиотеки, в буквальном смысле слова, рискуя жизнью, отстаивали ее сокровища.

Тяжелые, очень тяжелые дни пережил Ленинград и все ленинградцы, — говорит Егоренков[a]. — Часть неоценимых сокровищ библиотеки не были своевременно вывезены. У нас есть уникамы, — им нет цены, рукописи древности, фолианты столь редкостные, что дубликатов нет нигде в мире. Наш книжный фонд исчисляется миллионами экземпляров, треть его представляет драгоценность общечеловеческую, то, что не может быть ни восстановлено, ни реставрировано. Мы знаем, как фашисты обошлись с ценнейшими рукописями Киевской, Минской и других библиотек. Они их сожгли, вместе с библиотеками. Ценнейшие книги сгорели от бомбежек или на кострах, устроенных новейшими инквизиторами.

Мы храним свои книги больше, чем свое здоровье, потому что нашей библиотеке и библиотеке имени Ленина в Москве предстоит после войны восстанавливать библиотеки городов, ныне занятых фашистами. Героизм и жертвенность работников библиотеки безграничны. Под бомбами фашистов, рискуя жизнью, они вытаскивали из горящих зданий книги... Среди готовых вот-вот рухнуть развалин они собирали уцелевшие тома... В ужасные дни голода, истощенные недоеданием, они на санках или на собственных спинах приносили в библиотеку книги, спасенные от огня, найденные в грудe обломков камня, железных перекрытий. Женщины, приносившие на работу своих детей, которых не с кем было оставить дома, когда начиналась бомбежка, брали в одну руку ребенка, в другую какой-нибудь драгоценный каталог или манускрипт, уходили в холодные сырые подземелья библиотеки

и там ждали конца налета. Да, это все надо было видеть!

— Мы граждане своего родного города. Мы участвовали в его обороне, мы рыли окопы, устанавливали противотанковые надолбы, весной мы очищали улицы от снега, а вечером работали в библиотеке. И ни на один день библиотека не закрывала своих дверей для посетителей. Даже в самые страшные дни в наших читальных залах были люди, сидевшие над книгами, словно не было рвущихся снарядов и бомб и зарево пожарищ не окрашивало окна в багряный цвет. Это надо было видеть!

Библиотека не только не растеряла своего фонда, а значительно расширила его. Она приобрела ценнейшие архивы Максима Горького, великолепное собрание литературы о Пушкине, архив декабристов... Ее библиографический отдел работает так же регулярно, как и в мирное время. Разница только в том, что раньше библиотека помимо обслуживания Ленинграда вела обмен книгами с другими библиотеками Советского Союза. Сейчас обмен прекратился, но клиентура библиотеки расширилась, ее абонентами стали войсковые части ленинградского фронта.

— Как вы встречаете двадцатипятилетие Советской власти?

— Это и наше двадцатипятилетие. То есть это юбилей библиотеки в ее новой форме. Не забудьте, что у нас часто бывал Ленин. Ленин много раз давал указания о работе библиотек. Он любил книги, и многие его труды написаны за библиотечными столами. Его заветы — руководство для нашей работы. Мы стараемся привлекать к себе как можно больше читателей. Эта зима для Ленинграда будет также трудная. Но мы восстановили в библиотеке отопление, и читатели не будут страдать от холода.

Наш юбилей мы отметим выпуском сборника о научной работе — мы подводим итоги наших достижений за двадцать пять лет. Нам есть чем похвалиться — библиотека увеличила свой капитал вдвое.

Что же касается количества посетителей — оно выросло неимоверно. Это наша трудность, но и наша гордость.

22 октября 1942 года

*[Вирта Н.] Библиотека в осажденном городе // В мире кн. 1982. № 2.
С. 65.*